

Андрей ПЕРМЯКОВ

«...В ЗНАК РАССТАВАНЬЯ С ДЕТСТВОМ»

Антон Васецкий. Монтаж все исправит. – М.: Стеклограф, 2018. – 60 с.

Вячеслав Памурзин. Мертвая петля Веселого Роджера. – М.: Стеклограф, 2018. – 56 с.

С определённого времени граница литературной молодости стала почти совпадать с некогда принятой границей молодости как таковой. Помните характеристику, полученную от Ильфа и Петрова гражданином Корейко? Да: «...человек в последнем приступе молодости – ему было 38 лет». В поэзии же то ли с подачи семинара в Липках, то ли явочным порядком утвердилась чуть иная, но близкая граница: 35 годиков.

Многим такая ситуация не мила. Дескать, большинство поэтов к подобному возрасту уже написали лучшие стихи, а самые романтичные и одарённые – вовсе оставили сей мир. Думаю, мысль эта неверна, а сдвиг возрастных границ свидетельствует о зрелости нашей литературы. В интернете и в околокультурных кругах давно ходит байка, впрочем, ничем не подтверждённая. Якобы в средневековой Персии потенциально способных к литературе или просто гуманитарно настроенных ребят, достигших семи лет, отбирали в специальные школы. Там, помимо общеобразовательных предметов, детки эти, постепенно отсеиваясь, изучали весь корпус родной поэзии, тюркской поэзии, арабской поэзии, античной поэзии и всего, докуда ум дотянется. Изучали долго, двадцать лет. То есть оставляли учёбу в возрасте, когда ныне принято оканчивать аспирантуру. А следующие двадцать лет выпускники изученное ими тщательно забывали. Нет, занимались, конечно, некоей более или менее разумной деятельностью, чего-то сочиняли. Но считалось, что к самостоятельному и действительно ценному высказыванию люди способны примерно по истечении указанных выше сроков.

Снова легко возразить: ставка на зрелое творчество исключает эксперименты. К примеру, с какого-то периода восточные поэзии замерли, прекратив развитие и занявшись самоповторами. Но, во-первых, это не так, а во-вторых, множество биографий поэтов вполне западных свидетельствуют о возможности радикального новаторства именно в осмысленных годах. Допустим, У.Б. Йейтс в ранних (и не очень ранних) стихах своих был, скорее, архаиком. Это потом уж он открыл, пафосно говоря, новые перспективы европейских литератур. Да и среди отечественных сочинителей много тех, кто стали творить подлинно новое, одолев «второй перевал»¹.

Разумеется, о границах поэтической молодости в частности и поэтических поколений вообще не написал только ленивый. Мы пока в эти споры свою лепту вносить не станем, ограничившись делением общепризнанным. И поговорим о двух авторах, перешагнувших тридцатипятилетний рубеж в уходящем 2018-м году. Авторы эти очень неслучайны, имена их на слуху, а что издательство «Стеклограф» выпустило их книги ровно к своеобразному возрастному рубежу – приятная неожиданность.

И, кстати, первый из них, Вячеслав Памурзин, сразу же прозвучал во «взрослой» номинации, став одним из лауреатов премии MyPrize, предназначенной как раз для авторов, переставших быть *совсем молодыми*. Премия эту создала, проводит и спонсирует Дана Курская – главный редактор упомянутого «Стеклографа», человек, состоящий из энергии, организатор многодневного и ежегодного фестиваля поэтов, охватывающего, помимо Москвы и Петербурга, очень разные города, в которых Дана, кажется, присутствует одновременно.

¹ Давид Самойлов под таким перевалом имел в виду сорокалетие, но, согласимся, разница с тридцати пятью или сорока семью годами не слишком велика.

В анонсе к презентации «Мёртвой петли Весёлого Роджера» написано (думаю, опять-таки рукой Д. Курской): «Скандальный автор нашумевших стихов-легенд и одновременно последний романтик нашей эпохи – вот кто такой Вячеслав Памурзин». Десятью годами ранее Елена Погорелая говорила о поэте *в несколько более сложных словах*: «Вячеслав Памурзин свою роль “голоса поколения” отыгрывает удачно; соотношение технических реалий современности с абстрактностью эмоциональной сферы бьет в точку – на очередном этапе понимания “форум души” оказывается эквивалентом все той же Книги Иова, все того же бесконечного странствия по закоулкам человеческих сущностей, ибо что, в конце концов, есть лирическая реальность, как не наиболее адекватное отражение внутреннего строя, строя души? Лабиринт трагедии ждет своего Тесея; поэтический архетип странника воплощается в разных образах...»².

Хорошо это или плохо, когда восприятие автора мало изменяется спустя годы, мы обсудим, перейдя непосредственно к разговору о книге, но, так или иначе, Памурзин присутствует в литературе активно и давно.

Впрочем, и второй персонаж нашей рецензии – отнюдь не дебютант. Более того, у Антона Васецкого эта книга уже вторая. Первая, «Стежки», вышла очень давно, в 2005-м ещё году, и совсем не напоминала пробу пера. Во всяком случае, на Урале (а жил тогда Антон в Екатеринбурге) её заметили. Далее произошёл переезд в Москву и какое-то довольно фрагментарное участие в литературной жизни: то Антон присутствует на каждом фестивале и каждой посиделке, то пропадает, точно насовсем. И ещё удивлял контраст между образом состоявшегося, чуть даже вальяжного работника СМИ и стихами. Была в них какая-то скрываемая боль, неуверенность, почти желание разжалобить – качества, в обычной жизни Антону максимально несвойственные. Словом, казалось, как это часто бывает: стихи отдельно, личность отдельно.

И первая же страница новой книги этот разрыв внезапно устранила. Начало прямо-таки танковое:

Сперва мне придется представиться.

Мое имя – Антон.

И я – поэт.

А вот дальше, после такого от Маяковского идущего старта в жанре: «Я поэт, и этим интересен», следует отнюдь не эстетическая или поэтическая декларация, но достаточно длинный верлибр о росте и становлении «поэта Антона». Причём изложен процесс становления совсем не так, как это было в третьем томе «Антологии Уральской поэтической школы», вышедшей в 2011-м году. Там Васецкий заявлял о себе весьма уверенно и спокойно. В данном же случае... В данном случае нам явлена история внешних и внутренних обстоятельств, призванных помешать росту литератора.

Нет-нет, процитированный текст – «Общество анонимных поэтов» – стал буквально гвоздём сезона. А выигрывать с ним все слэмы подряд Антону мешает лишь избыточный для слэмов объём стихотворения. Зато отдельные современные литераторы узнали о себе много интересного.

В частности, оказалось, что автор этой рецензии, Андрей Пермяков³, невольно оказался косвенным виновником творческого кризиса автора, а также – потери им, автором, любви и работы. В этой ситуации Андрею Пермякову пришлось несколько уточнить собственную эстетическую позицию. В частности, Пермяков не раз излагал резоны, способные подвигнуть человека на бескорыстное знакомство с тем или иным

² Елена Погорелая. Над бездонным провалом в вечность (современная поэзия 20–30-летних: личность и условия существования // Знамя. 2007. № 3.

³ Или «лицо, похожее на Андрея Пермякова именем, фамилией, манерами и ролью на одном из литературных мероприятий».

произведением, вне зависимости от рода и жанра этого произведения. Таких резонансов крайне немного:

- «1) произведение сообщает нечто важное мне обо мне;
- 2) произведение сообщает важное мне о мире;
- 3) произведение сообщает нечто важное о языке (не суть важно – о русском языке или, например, о языке искусства)».

Ну, вот. Самым прямым и непосредственным образом узнал о себе нечто новое. Изменилось ли от этого восприятие стихотворения? Вроде, не слишком, но некоторый шок произошёл. С таким вот лёгким потрясением и читал первую часть сборника.

Да: книга совсем небольшая, шестьдесят страниц. Формального разделения на главы, либо иного структурирования, нет. Но сборник отчётливо делится на четверти – так, помнится, в финале советского детства был отрядный девиз: «Нам никогда не будет шестьдесят, а лишь четыре раза по пятнадцать». Жутковатый слоган, если вдуматься – учитывая тогдашнюю продолжительность жизни мужчин и общесоветский инфантилизм.

Мы, впрочем, отвлеклись. Хотя во многом первая четверть «Монтажа» напоминает подростковое доказательство личной самости. Это не в упрек. Просто едва ли не единственным пунктом, вызывавшим то ли недоумение, то ли какое-то сходное чувство при чтении более ранних стихов Васецкого, были непременно длиннющие периоды, где автор пытался разьяснить нам всё слишком подробно. Предложения-монстры длиной в катрен. Верные, точные, но оставляющие маловато пространства для мысли читателя.

А тут, в начальных стихах книги, с разнообразием способов высказывания дело обстоит очень хорошо. Но смысл, опять-таки, сводится к описанию «бесконечной пытки взросления». С неожиданными порою коннотациями. Скажем, строфа:

*А когда не поймут – укрыться лицом в подушках
и прижать колени к испуганному сердечку,
всхлипывая о своей вселенной: квакающих лягушках,
майских прогулках в парке и тумане, покрывшем речку.*

– прямо-таки вопиюще напоминает Анну Русс.

Всё меняется, повторим, ровно при завершении первой четверти книги. Вот с этого стихотворения:

Выпускной

*Девочки в черных юбочках,
мальчики в белых рубашках.
Взгляды ясны, рассудочны,
искренни и бесстрашны.*

*Даже ни капли порчи на
лицах, а что за жесты.
Брови упрямо сморщены
в знак расставанья с детством.*

*Мысли потонут в гуле
и растворятся в бале.
Как же их всех надули,
предали и так далее.*

Кто их предал? Мы. Кого предали? Нас. Мы сами предали себя. Тех, прежних, невозвратимых. И значительная часть книги посвящена истории этого предательства. Его

результатам. Например, ужасный цикл «Лытдыбр». Не по уровню поэзии ужасный, разумеется, а по восприятию мира. Ад офисов и метро описан не раз, однако, похоже, число граней тут бесконечно:

<...>

*Вряд ли найдется хоть что-то, в чем мы одинаковы,
кроме совместного права считать себя трусами.
Сколько ни жульничай, как ни подделывай подписи,
это уже не исправить, не вырвать из графика.
Нам остается сидеть до последнего в офисе,
пережигая ресурсы казенного трафика.*

Напомним: в дебютном верлибре Антон Васецкий уже объяснил нам, что говорит от своего имени. То есть всё это происходит именно с ним. Симпатичным, спокойным и очень сдержанным человеком. Конечно, иногда лирический герой скрывается за легко узнаваемой литературной маской. К примеру, упомянутый цикл интонационно вторит усреднённому Бродскому. Есть прямые отсылки к классике вековой давности:

<...>

*не жалею, не зову не плачу,
не курю, не пью и не колюсь.*

Или:

*Девушка с нижней полки бледные прячет ноги,
переживая, что вряд ли ее поймут.*

Есть обращения к авторам куда более современным. Строфа:

*Иногда забывается, кто
и куда едет в этом пальто,
в этой обуви, в этом вагоне,
в бесконечном, как сон, перегоне....*

– напоминает Олега Дозморова. В хорошем смысле слова.

Да, присутствуют в этой части книги длинноты, присутствуют повторы. К примеру, рассказанная на нескольких страницах невесёлая офисная шутка на тему: «– Самый ужас – это когда свое тридцатилетие отмечаешь в Макдональдсе... – Ага. И кричишь – “свободная касса!”» – особых дополнительных смыслов не обретает, однако образ Макдональдса как красного вигвама, снабжённого «клоуном в красных ботинках», работает. Именно стихотворение про этого клоуна давно стало уже другой визитной карточкой поэта Васецкого. И вполне по делу.

Но в целом долго-долго остаётся сомнение: зачем нам знать, сколь тосклива и ужасна жизнь столичного клерка? Даже если описана она весьма талантливо. У нас своя жизнь есть. И она тоже не спеша идёт к интересному финалу. К счастью, «Монтаж всё исправит» это именно книга. И книга, очень хорошо выстроенная. Весьма длинный блок «офисных» текстов был необходим. Хотя бы – чтоб подготовить переход к теме куда более важной. К теме сопряжения времён. Внутренних человеческих времён:

*Внимание персоналу!
У главного входа
между фонтаном и аквариумом*

*найден мужчина
семидесяти лет.
Зовут Степан Николаевич.
Одет в серый пиджак,
синие брюки, голубую рубашку.
В руках полотенце.
Ждет встречи с родителями
и старшей сестрой
на центральной информационной стойке.*

Времена не обязательно переплетаются в теме родственных отношений. Вот лирический герой взял и «выпил» раздражавшего его одноклассника Глоторукова с общей и уже почти антикварной видеозаписи. А тут его с другом приглашают на поминки этого Глоторукова.

Но всё-таки чаще о времени (не о себе!) Васецкий пишет, прибегая к образам детей и отцов. Иногда чуть делано обижаясь при этом:

*Прошлое и будущее.
Любовь и смерть.
Сущее и небытие.
«Вырастешь – поймешь», –
говорили родители,
когда не могли
что-то объяснить.
Обманули.*

При этом доминирующей нотой остаётся вина собственная. Не вина даже, но благодарность миру за то, что мир его приемлет таким вот несовершенным. Понятно: в собственном детстве протагониста опорой и надеждой были родители. Это, в сущности, норма. Так бывает почти у всех. Но многим ли удаётся такой взгляд сохранить? Некоторым – вполне. Вот забыли лирического героя в детском садике. Не совсем забыли, конечно, а просто опоздали. Он ждёт со спокойствием абсолютно самурайским. И не зря ведь ждёт:

*<...>
Не выдающий ни горечи, ни печали,
хотя и страшное что-то произошло.
И не поверил, когда вдруг с улицы постучали,
и улыбнулся папа через стекло.
Сколько бы лет, километров, людей, событий
ни вытесняло из памяти детский сад,
я и теперь, ощущая себя оставленным и забытым,
иной раз ловлю внимательный этот взгляд.*

Будущее, даденное в награду за ожидание – сюжет почти сказочный. Только в сказку надо верить и её принимать. И да: передавать. Не передавать даже, а не мешать следующему поколению принимать всю ту же сбывающуюся сказку. Глядеть иногда на мир и семью глазами собственного ребёнка:

*<...>
Может, хотя бы сегодня
эта сонная великаниша*

возьмет за ум?

Словом, вторая книга Антона Васецкого являет нам почти безупречную психологическую картину спирального развития: от ироничной внутренней оценки процесса становления собственной личности до умения пристально взглянуть на себя и мир со стороны. Вернее – с разных сторон и разных точек зрения. В том числе и незабытым детским взглядом. А о собственно поэтической состоятельности мы уже высказались в самом начале. Но повторим ещё раз. Да и с удовольствием.

Книга В. Памурзина представляет картину совсем иной авторской эволюции. Хотя в его случае разговор о развитии поэтики может оказаться довольно специфическим. Сравним два фрагмента. Первый:

*неужели – как есть неужели
в лихорадке душевной пурги
я встаю ежедневно с постели
непонятно с которой ноги
этот завтрак – опять этот завтрак
ништяки от вчерашних гостей
банка пива дежурная залпом
называется завтрак в постель...*

И второй:

*<...>
Неэтически маешься между глотком «Арсенального»
И дебильным азартом вселенский снискать геморрой.
От совковой манеры латентного пассионария
тяжело отвыкать, вообще не втыкая порой...*

Согласимся: не техническая, но стилистическая разница между текстами минимальна. Меж тем, написаны они в 2007 и в 2015 годах, соответственно. В тех же самых – 2007 и 2015 годах – в строчках появляется косуха, носимая автором. Конечно, живописание алкогольных приключений – тема благодатная. Да и отсутствие перемен в образе жизни на протяжении длительного периода вызывает честное уважение. Более того, каждому известно: Пермьяков завидует Памурзину. У Памурзина есть косуха, а у Пермьякова – нет. Однако возникает момент настороженности.

Ещё в тех самых, финальных годах первого десятилетия нового века мне неоднократно случалось присутствовать на выступлениях Вячеслава Памурзина. И впечатления были весьма противоположными: то полный успех, то... Нет, особых провалов не упомяну, но, дабы не подыскивать лишних эпитетов, скажем: часть чтений были куда более слабыми. Теперь можно понять, чем такое восприятие обусловлено. Тогда поэт много писал о методиках прямого восприятия мира через изменённое сознание. В сущности, он почти ни о чём ином и не писал. Естественно, одни стихи на эту тему были лучше, другие хуже. Это влияло на впечатления из зрительного зала.

Повторим: упомянутая тема в творчестве Памурзина осталась довлеющей. Повторим другое: ничего особенно плохого в этом нет. Однако, в рецензируемой книге стихи 2007–2009 гг. занимают 2/3 объёма, а 2014-й, например, год представлен двумя произведениями; 2015-й – четырьмя. Отсутствие более поздних текстов малосущественно: книга, вышедшая в 2018-м, вполне могла быть составлена двумя-тремя годами ранее. В общем-то, и так ничего страшного: тема могла себя исчерпать, периоды молчания бывают у каждого автора – мало ли для этого причин? Но есть более важный нюанс.

В предисловии Сергей Геворкян отмечает «...скептическое до яростной аллергии отношение к человеческой природе вообще и к алгоритмам человеческих связей. Вячеслав – мизантроп в поэзии, но только в ней. И сразу бросается в глаза, что автор в первую голову беспощаден к самому себе. Причём, это – редкая беспощадность. В ней нет и толики самолюбования, уничижения паче гордости и вообще – ноль пафоса. Есть отважная и честная ясность, которую Башлачёв называл – бешеной». В целом – бесспорно. Такой вот требовательностью к миру и себе, выстраиванием постоянно нарушаемых границ, в конце концов – некоторыми особенностями просодии и, например, пристрастием к неформатной лексике Памурзин напоминает поэта Максима Жукова.

Отлично. Только вот здесь-то пьянка и начинает мешать. Причём абсолютно неважно, присутствует ли алкоголь в реальной жизни Памурзина. Но избыток этанола в его стихах – правда во вред.

Пиши Памурзин иначе, демонстрируй он добрый, снисходительный и расфокусированный пьяненький взгляд на Вселенную – вопросов почти б и не возникало. А так они есть. Не зря ж яростный боец и великий альтернативщик Генри Роллинз говаривал: «Если ты хочешь развалить этот мир, следует держать ум трезвым. Не так ли?»⁴ А с похмелья мы все злые и мир нам кажется ощетиившимся. С похмелья ненавидеть легко. Оттого острота вопросов, задаваемых Памурзиным окружающей действительности, несколько снижается.

Но вот отказавшись от похмельной оптики, Памурзин обретает очень интересный ракурс освещения самых разных сторон и аспектов реальности. Начинает, как рекомендовал один политический деятель, с себя:

*Фотография скорбной картины
перечёркнута смертной тоской:
как во фраке я и без ботинок
заблудился в зиме городской.*

*И на ощупь дорогу нашарив,
в астеническом полубреду,
я бреду как поддатый Лошарик,
спотыкаясь на засранном льду.*

Никто не виноват: ни мир, ни лирический герой. Просто так вот сложилась обстановка, будем думать, как эту обстановку переменить или к ней приспособиться. Сил-то для этого более чем достаточно. Цену-то себе протагонист памурзинской поэзии знает. И вполне осознаёт себя в иронически описываемом, но безусловно признаваемом ряду:

*Суровый Дант не презирал сонета –
Спасибо Пушкину за это.*

*А Мандельштам не презирал Цветкова –
Он попросту не знал такого.*

*А я сижу и тягостно зеваю –
Я тоже их не презираю.*

Опять скажем: цитатностью, центонностью, блистательным ориентированием в поэтическом наследии предшественников теперь никого не удивишь. Памурзин удивлять

⁴ Возможно, это был Трент Резнор. Он тоже великий, яростный и сторонник трезвости.

и не собирается. Для него просто кажется органичным, сочетая Ломоносова и Хармса, высказаться о том, о чём оба упомянутых поэта высказываться умели и любили. О феноменальной плотности времени и его *мгновенности*. Следующее стихотворение написано десять лет назад, совсем ещё молодым автором. Но ситуация включённости в жизнь уже почти минувшую, в старушечью, передана отлично. Он тут не описывает старушек, а сам становится старушкой:

*Бабульки юношей пинают
Ногами в Бауманском саду.
Они слегка не понимают,
В каком находятся году.*

*Не лучше ль в маленькой избушке
Попечь румяный каравай,
Попеть на лавочке частушки?..
Но нет – им **драйву** подавай!*

Неожиданно отчётливое понимание: когда-нибудь ты постареешь, а твоё восприятие мира останется прежним. Только ты всё равно постареешь.

Жаль, но иногда (к счастью – редко) автора подводит чувство меры. Вот длинный текст, отрывки из коего мы сейчас приведём, задуман, конечно, в виде травестийного трибьюта «Незнакомке»:

Знакомый

*На хэппи-завтраке в Макдоналдсе
Прохладный новенький кондей
И трезвенников держит в тонусе,
И как бы всё как у людей.*

*Недалеко, под сенью лиственниц,
Под гвалтом городских утех,
Томится погребок милиции
И молкнет незаконный смех.*

<...>

*И по утрам, спонтанной придурью
На фоне менеджерских рях,
Мужской затылок, гладко выбритый,
Застыл как вкопанный в дверях.*

*И быстро, прощмыгнув меж трезвыми,
Мы по случайности, вдвоём,
Давясь ухмылками скабрезными,
На задней лестнице встаём.*

<...>

*Кепарик, за ухо заломленный,
Как астролябия ослу,
Служивший где-то за Коломною,*

Теперь освоил и Москву.

*В моём подгузке зреет паника,
С народом связь мою поправ.
Но ты не прав, охранник паркинга,
Не знаю в чём, но ты не прав.*

Увы, получается не аллюзия на Блока, но оммаж Евгению Лесину. Однако парадоксальным образом стихотворение спасают интонации Дениса Новикова («Ну, встретились. Теперь на Бронную...»), свойственные Памурзину и придающие объёма отмеченной уже его наблюдательности. Внешний мир, всё-таки, оказывается поэту интересен. Хотя бы как абсурдный контрапункт теме цельной внутренней неустроенности.

Внутренний раздрай лирического героя в стихах Памурзина действительно весьма органичен и непротиворечив. А вот мир внешний состоит из множества слоёв, в том числе – слоёв вербальных, прорваться через которые к самой сути почти невозможно. К примеру, в следующей короткой цитате рядышком оказываются библейские образы и кадр из «Ну, погоди!», где упомянутая в последней строке песня оказалась весьма кстати:

<...>

*Покуда суд земной не вынес приговора,
Уснувший грешник ждёт свой пламенный привет:
От станции Содом до станции Гоморра –
У нас с тобой билет, у нас с тобой билет.*

Так или иначе, но кажется, что литературное будущее Памурзина в этом – в поисках истины под толщею мира. Ибо про себя он знает, похоже, всё.

Итак, мы более или менее тщательно прочли две книги двух поэтов. Поэтов, достигнувших своеобразного неустойчивого равновесия. Причём точка этого равновесия расположена весьма высоко. Авторы в самом деле совершили уже не так и мало. Самое интересное здесь – траектории дальнейшего движения. Мы эти траектории попытались предсказать. Будем рады, если прогноз сбудется. И ошибиться тоже будем рады.